

Константинов М. С.

ИМПЕРСКИЙ ПАЛИНГЕНЕЗ: ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ (статья первая)

Аннотация. Данная статья презентует некоторые предварительные результаты комплексного исследования праворадикальных идеологем в сознании студенческой молодёжи Ростовской области, проведённого в 2015 году научным коллективом под руководством С. П. Поцелуева. Первая часть статьи посвящена анализу степени распространения в студенческом сознании одного из двух базовых концептов фашистской идеологии – палингенетического мифа. Теоретическую базу указанного исследования составила авторская концепция политических идеологем, разработанная на основе интегрированно-лингвистического и политико-философского понятия идеологема (М. Бахтин, Ф. Джеймисон и др.). В процессе концептуализации теории праворадикальных идеологем использовались также концептно-морфологический подход М. Фридена и понятие «группускулярной правой» Р. Гриффина. Указанные теории были адаптированы к российской политической и социокультурной специфике. В результате исследования были получены конкретные данные о распространённых в студенческой среде праворадикальных идеологемах, а также об идеях и ценностях, имеющих потенциал развития в праворадикальные идеологии. Показано, что социокультурной спецификой палингенетического мифа в сознании студенческой молодёжи Ростовской области является его имперская интерпретация.

Ключевые слова: политические идеологии, идеологема, концепт, морфология идеологий, правый радикализм, ультра национализм, фашизм, молодёжь, общественное сознание, социологический опрос.

Review: This article presents certain preliminary results of the complex research on the far-right ideologemes within the consciousness of the student youth of the Rostov Oblast, conducted in 2015 by the scientific team led by S. P. Potseluev. The first part of the work is dedicated to the analysis of the rate of spreading of one of the two primary concepts of fascist ideology – palingenetic myth, within the student consciousness. The theoretical base of this research consists of the author's concept of political ideologemes, developed upon the integrated linguistic and politico-philosophical notion of ideologeme (Mikhail Bakhtin, Fredric Jameson, and others); Michael Freeden's concept-morphological approach, as well as Roger Griffin's "corpuscular" web of far-right extremists are also used in the course of this research. The aforementioned theories were adjusted to the Russian political and sociocultural specificity. The research yielded specific data on the spread of far-right ideologemes within community, as well as on the ideas and values that can potentially develop into far-right ideologies. It is demonstrated that the imperial interpretation represents the sociocultural specificity of palingenetic myth on the consciousness of the youth of the Rostov Oblast.

Keywords: right-wing radicalism, morphology of ideologies, concept, ideologeme, political ideologies, ultranationalism, fascism, youth, public conscience, sociological survey.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодёжи Ростовской области», проект № 14-03-00302а.

Исходная проблема социологических исследований праворадикальных идеологем состоит в сложности выявления этих идеологем в силу действия нескольких

факторов. Прежде всего, весьма проблематична откровенная и осознанная самоидентификация российских респондентов с носителями европейских праворадикальных идеологий, поскольку

ку признаться самому себе (не говоря о других) в идейной общности с аутентичным европейским фашизмом, представитель российского общества (за исключением некоторых маргиналов), как правило, неспособен.

По историческим причинам, организации и движения, ориентированные на европейский фашизм, не могут снискать в России массовую общественную поддержку, их удел – «маскарадные ужимки, ... игры в чёрных и коричневых солдатиков» [3, с. 14]. Объясняется это тем, что на основе коллективной исторической памяти о победе над европейским фашизмом во Второй мировой войне в российском общественном сознании складывается конвенциональная система взаимных ожиданий: существующие проблемы, фобии, антипатии и т. д. надлежит выражать в каких угодно терминах и идеологемах, кроме тех, которые использовались в европейском фашизме. В российском обществе идеи и ценности фашизма являются социально порицаемыми, поэтому индивиды, открыто декларирующие свою приверженность этим идеям и ценностям, несут серьёзные репутационные издержки и, следовательно, под страхом социальной изоляции крайне редко осмеливаются признаться даже самим себе в симпатиях к фашистской идеологии. Как правило, они предпочитают давать социально одобряемые ответы на «подозрительные» вопросы. В современной социологии различные аспекты этого эффекта неплохо изучены. Достаточно сослаться на концепции «спирали молчания» Э. Ноэль-Нойман [7; 1] и «фальсификации предпочтений» Т. Курана [11].

В силу указанных причин ожидать в России появления классических форм фашистской идеологии весьма наивно: российский правый радикализм предпочитает либо мимикрировать под более «респектабельные» идеологии (консерватизм, национал-большевизм и т. п.), либо заниматься идеологическими псевдоновациями, претендуя на создание «оригинальных и самобытных» идеологических конструкций (некоторые версии национализма, евразийства и т. п.). По справедливому замечанию А. А. Галкина, фашизм в России «не будет походить на германский, итальянский и прочие иноземные варианты. В своих основных чертах он будет россий-

ским со всеми вытекающими последствиями» [3, с. 14]. Поэтому идентифицировать идейное тождество представителей российского правого радикализма с классическими и современными формами европейского фашизма можно только на основе общего содержания их программатики [там же]. Учитывая этот момент, исследовательский коллектив в процессе концептуализации «родового» понятия фашизма опирался на концептно-морфологический подход М. Фридена [9] и понятие «группускулярной правой» Р. Гриффина [4]. Это позволило выделить базовые, смежные и периферийные концепты фашистской идеологии, универсальные для любых её проявлений [подробнее см.: 6].

Однако любое социологическое исследование праворадикальных идеологов в общественном сознании необходимо предварять адаптацией базовой концептуальной структуры фашизма к конкретным историческим и социокультурным условиям, в которых развивается указанная идеология [8]. Учитывая пресловутую эластичность и гибкость фашистской идеологии, её способность «быть современной», т. е. «находить новые формы воплощения фашистско-тоталитарной традиции, реально ощущать острые проблемы, вставшие перед обществом, и ловко использовать их в своих целях» [3, с. 14], данную конкретизацию следует проводить применительно к актуальным проблемам исследуемого общества, наиболее остро обозначенным в повестке дня. Поэтому вторым шагом в исследовании стало выявление и соотнесение с ключевыми элементами «родового» понятия фашизма тех (часто неосознаваемых) ценностей, на основе которых проявляются реакции респондентов на указанные проблемы. Методологическая ограниченность социологического опроса не позволяет решить проблему фальсификации предпочтений, о которой шла речь выше, поскольку слишком велик риск получить от респондента «правильные» (в его понимании) ответы на поставленные в анкете вопросы, навязать респонденту несвойственную ему точку зрения.

Методологически корректнее в данном случае предоставить слово самим респондентам и зафиксировать те проблемы, которые их волнуют, а также термины, в которых эти проблемы верба-

лизуются. Поэтому после разработки концептуальной структуры фашизма, исследовательским коллективом была проведена серия свободных интервью в исследуемых группах по одной из самых острых для 2014–2015 гг. тем для России – по теме украинского кризиса. Специфика интервью варьировалась по степени активности группы: приоритетным было свободное обсуждение, лишь удерживаемое интервьюерами в рамках заявленной темы, если группа активна; в отношении пассивных групп задача интервьюеров состояла в том, чтобы следуя списку предварительно составленного вопросника, «вытянуть» из группы необходимую информацию. Выявленные в ходе интервью идеологемы были соответствующим образом структурированы и операционализированы для последующей разработки анкеты социологического опроса [8].

Адаптированная к российской специфике, структура праворадикальной идеологии выглядит следующим образом.

1. Базовые концепты.

1.1. *Радикальный ультра национализм.* Нация выступает в роли высшей реальности и ценности, которая нуждается в защите и развитии. «Русская нация» чаще всего рассматривается не в примордиалистском смысле (хотя встречается и примордиалистская трактовка), но в культурно-цивилизационном, нередко сочетающим идеи нации и империи. Цивилизационная идентичность связывается с понятиями: территория, язык, история, традиции, мироощущение и культура. Такая трактовка нации позволяет включить неславянские народы России в понятие «русского народа». Характерно также стремление отмежеваться от европейского фашизма, обосновать уникальный «Третий путь», который имеет не социально-экономические (как в европейских версиях фашизма), но культурно-цивилизационные основания. Нередко в качестве таких оснований выступает православие.

1.2. *Идея посткризисного революционного возрождения (палингенез).* К идеологемам, связанным с этим концептом, можно отнести обеспечение «количественного и качественного роста русской нации», возрождение «Великой России» (иногда в расовом аспекте: «Белой Расы»), воссоединение «искусственно раз-

лённого русского народа» (великороссов, малороссов и белорусов), реализация «демографического потенциала русского народа» и др.

2. Смежные концепты.

2.1. *Антилиберализм.* Либерализм рассматривается как одна из главных причин упадка и деградации современной России, оказавшейся в «глубочайшем системном кризисе, в который её загнали безответственные экспериментаторы». Вместо «либеральной разнузданности», с которой прочно ассоциируются геи, «жиды», гедонизм, культ денег и т. д., провозглашается служение нации, идеалы мужественности. Правовое государство и конституционные процедуры отрицаются в пользу «естественных человеческих прав» на основе традиций.

2.2. *Антиконсерватизм* также как и в европейских версиях правого радикализма, связан с идеологемами революции, преодоления сложившегося порядка в ситуации кризиса, подчёркнутым антиэлитаризмом.

2.3. «*Творческий нигилизм*» преломляется в виде презрительного отрицания массовой культуры и сочетается с опорой на насилие как средство очищения нации.

2.4. *Антиматериализм и антирационализм* в российском контексте конкретизируются в идеологемах: «духовная суверенность» России, православие (как «изначально культуuroобразующая религия»), культурная самобытность России, представление о России как русской традиции-цивилизации, идеалы «социальной правды», симфония светской и церковной власти.

2.5. *Холизм* находит своё выражение в постулировании традиций общинности и соборности, организмических аналогиях («Нация – это самовозрастающий, способный к сверхплеменной солидарности социальный организм»), провозглашении триединства личности, нации и государства.

2.6. *Маскулинность* проявляется в культуре армии, спорта, здоровья, семьи, национализма и мужественности, самоотверженного служения нации и государству и нации.

2.7. *Поиск «Третьего пути».* В отличие от западных версий фашизма, в которых «третий путь» имел экономическое измерение и полагался между капитализмом и социализмом,

в России эта идеологема нередко приобретает экзистенциальный, культурно-цивилизационный характер – как самобытный путь между «Западом» и «Востоком».

2.8. *Мистицизм* как основа культуры мало чем отличается от западных течений правого радикализма.

2.9. *Империализм* выражается в популярных геополитических конструкциях, среди которых нередко встречаются идеи «возвращения русским народом утраченных» (во время кризиса) геополитических позиций.

3. Периферийные концепты не имеют существенного значения при идентификации идеологии, поэтому достаточно будет ссылки на более подробный анализ [8].

Таким образом, общая структура комплексного социологического исследования праворадикальных идеологов в сознании студенческой молодежи состояла из следующих элементов:

1. выявление «родового» концептуально-содержания фашистской идеологии;

2. серия свободных групповых интервью с целью конкретизации концептов фашизма применительно к современным российским реалиям;

3. разработка анкеты на основе полученных результатов;

4. проведение социологического опроса;

5. проверка корректности полученных результатов опроса в фокус-группах.

На данный момент реализованы четыре из пяти этапов исследования, поэтому все приведённые ниже данные следует считать предварительными.

При разработке анкеты ставилась задача выявления не просто актуальных носителей профашистских идей и ценностей (этим, как правило, ограничивается большинство социологических исследований данной проблемы), но и потенциальных симпатизантов правого радикализма. В соответствии с этой установкой, в анкету были заложены (кроме паспортных) три группы вопросов, позволяющих выявить три уровня студенческой идентификации с праворадикальными идеологемами. Первый, поверхностный уровень сознательной идентификации выявить не составляет труда: респондент чётко понимает свою про-

фашистскую ориентацию и придерживается её при ответе на вопросы. Достаточно предложить респонденту на выбор несколько знаковых фигур, символизирующих праворадикальную идеологию и/или движение, и зафиксировать вызываемые этими фигурами ассоциации. Единственная сложность при исследовании этого уровня самоидентификации состоит в том, чтобы из результатов, полученных в процессе социологического исследования, отфильтровать ответы респондентов, мотивированные эпатажем и протестной бравадой: совсем не обязательно рассматривать признание респондента в симпатиях к А. Гитлеру и/или Б. Муссолини в качестве выражения его профашистских настроений; нужно, чтобы выявленные симпатии коррелировали с общими идейными установками фашистской идеологии, сформулированными в последующих вопросах.

В выявлении скрытых уровней праворадикальной идентификации исследовательский коллектив ориентировался на понятие «смутных идеологов» М. Бахтина [2], конкретизированное с учётом концепции «плавающих означающих» С. Жижека [5]. Под «смутной идеологией» М. Бахтин понимал «идеологема на стадии внутреннего развития, невоплощённую во внешнем идеологическом материале... Уясняться, дифференцироваться, закрепляться она может лишь в процессе идеологического воплощения» [2, с. 375]. Не будучи выражена в идеологической системе, «смутная идеологема», тем не менее, порождается «впитанными ранее идеологическими знаками» [там же]. В трактовке С. Жижека, «плавающие означающие» представляют собой «протоидеологические», «несопряжённые, несвязанные элементы», которые содержит «идеологическое пространство» и сама идентичность которых «„открыта“ и предопределяется их сочленением в цепочки с другими элементами» посредством внедрения определённых «узловых точек», «останавливающих скольжение означающих, фиксирующих их значение» [5, с. 93]. Иначе говоря, буквальное значение этих означающих зависит от их метафорического «прибавочного значения» [там же].

С этих позиций выявляются праворадикальные установки, содержащиеся в «смутных идеологемах», и при этом внимание фиксируется на

выявлении источников этих «смутных идеологем» в праворадикальной символике и программатике. Это позволяет сформулировать важное методологическое допущение о том, что на уровне индивидуального сознания идеологема представлена в виде «плавающих означающих», которые потенциально могут «откликаться» на вызовы реальных проблем, с одной стороны, и на концепты, содержащиеся в систематизированных идеологиях и претендующих на объяснение реальности, – с другой. В этом и состоит «неожиданная» мощь праворадикальных идеологий (в нормальном состоянии общества обычно маргинальных), под знамёна которых в ситуации кризиса становятся представители самых разных социальных групп и, особенно, молодёжь. На этом – часто неосознаваемом – уровне имеют место два типа идентификации с идеологемами: воображаемая и символическая [5, 110–115]. Первый тип идентификации состоит в соотношении себя с привлекательным образом Другого (с его воображаемыми ценностями и значимыми признаками), второй – с тем местом, откуда субъект кажется себе привлекательным, достойным любви. Вот как это различие поясняет С. Жижек: «При воображаемой идентификации мы подражаем другому на уровне подобия – мы идентифицируем себя с образом другого, поскольку мы «похожи на него». А при символической идентификации мы идентифицируем себя с другим как раз в том, в чём он уникален, в чём ему невозможно подражать» [5, с. 115].

Выше говорилось о том, что традиционные социологические исследования праворадикальных идеологий ограничиваются весьма поверх-

ностным представлением об идентификации, связываемой только с образцами для подражания, идеалами и имиджами. Такое исследование способно выявить либо идейно сформировавшегося сторонника подобных идеологий, либо симпатизанта к знаковым для этих идеологий фигурам (часто оставляя при этом открытым вопрос, какие именно качества привлекают респондента в названных фигурах, и не мотивирован ли его ответ какими-либо привходящими факторами, вроде эпатажа, бравады, протеста и т. д.). Поэтому одной из методологических новаций, предложенных исследовательским коллективом, была попытка разработать инструментарий, зафиксировать в вопросах и выявить уровень символических идентификаций с праворадикальными идеологемами. Символическая идентификация составляет основу для идентификации воображаемой, она не представлена в масс-медиа, коренится в семейной и бытовой коммуникации и может соотноситься не только с медийными «звёздами», вроде А. Гитлера и Б. Муссолини, но и с негативным опытом взаимодействия со значимыми Другими. Например, с опытом, приобретённым в конфликтах с представителями «нерусских» или с опытом «выживания» в 90-х гг., воспринимаемым как «национальное унижение». Отсюда такое внимание в анкете уделено выявлению оценок знаковых событий политической и социальной жизни. И можно предположить, что подобный методологический ход был вполне удачным, поскольку дал весьма интересные результаты.

В частности, на 3-й вопрос анкеты ответы распределились следующим образом (таблица 1):

Таблица 1. Оцените своё отношение к следующим политическим событиям

	Политическое событие	целиком положительно	скорее положительно	скорее отрицательно	однозначно отрицательно	затрудняюсь ответить
1	Распад СССР	5,4	22,0	31,1	18,2	23,3
2	Смена власти на Украине в ходе Майдана – 2014	2,5	3,9	17,5	58,1	18,0
3	Присоединение Крыма к Российской Федерации	57,7	24,2	6,1	3,6	8,4
4	Образование Донецкой и Луганской народных республик	17,0	33,3	12,7	7,1	29,9
5	Протесты «белоленточников» в 2011–2012 гг.	3,1	4,3	9,9	9,6	73,1
6	Возникновение движения «Антимайдан» в России	19,5	26,5	12,5	11,8	29,7

Уже в этом вопросе фиксируется треть респондентов, отрицательно оценивающих утрату имперского/державного могущества («Распад СССР») и стремление не допустить его повторения (положительная оценка движения «Антимайдан»).

Четвёртый, пятый и шестой вопросы анкеты (ниже они для удобства объединены в одной таблице) были посвящены выявлению симпатий/антипатий студентов по отношению к известным политикам и общественным деятелям (отечественных и зарубежных) (таблица 2):

В. В. Путина. Любопытно также, что к А. Меркель почти половина студентов испытывает неприязнь, сочетаемой с высокими симпатиями к М. Тэтчер, что можно объяснить только волной пропаганды, прокатившейся в российских СМИ в 2014–2015 гг. Бросается в глаза также, что по целому ряду достаточно активно проявивших себя в украинском кризисе политических и общественных фигур (И. И. Гиркин, А. Г. Дугин, А. А. Проханов, Э. В. Лимонов) студенты не определились в своих симпатиях. Это также можно объяснить только сильным влиянием на

Таблица 2. Какие из нижеперечисленных политиков и общественных деятелей вызывают у Вас чувство... ?

	Политический деятель	симпатии	антипатии (неприязни)	затрудняюсь ответить
1	В. И. Ленин	45,1	19,5	35,4
2	В. В. Путин	83,0	6,1	10,9
3	В. В. Жириновский	42,2	30,5	27,3
4	И. В. Сталин	41,4	26,2	32,5
5	Р. А. Кадыров	43,5	23,4	33,1
6	Б. Е. Немцов	9,5	27,4	63,1
7	Э. В. Лимонов	3,8	16,4	79,8
8	А. Д. Сахаров	36,1	4,5	59,5
9	И. И. Стрелков (И. И. Гиркин)	10,4	8,8	80,8
10	А. Г. Дугин	7,9	11,8	80,2
11	А. П. Баркашов	3,5	9,9	86,6
12	М. Б. Ходорковский	12,4	26,7	60,9
13	А. А. Проханов	6,5	12,4	81,1
14	Марин Ле Пен	15,5	8,6	75,9
15	Эрнесто Че Гевара	54,3	9,2	36,5
16	Маргарет Тэтчер	39,7	20,8	39,6
17	Мао Цзэдун	38,2	14,3	47,5
18	Ангела Меркель	17,5	48,7	33,7
19	Адольф Гитлер	6,0	79,9	14,1
20	Усама бен Ладен	7,5	60,6	31,9

Из приведённых в таблице 2 данных видно, что осознанные студенческие симпатии вызывают не столько фигуры, ассоциирующиеся с правым радикализмом (А. П. Баркашов, М. Ле Пен, А. Гитлер), сколько с радикальными взглядами на преобразование общества вообще (В. И. Ленин, Э. Че Гевара, Мао Цзэдун) и олицетворяющие идеологему «сильной руки» (И. В. Сталин, Р. А. Кадыров, М. Тэтчер и др.). Традиционно высокий процент симпатий – на стороне

эмоции студентов средств массовой информации – перечисленные фигуры практически никак не были представлены в СМИ в указанный период, хотя их участие в украинском кризисе трудно недооценить.

Однако, как говорилось выше, уровень открытых симпатий/антипатий к знаковым персоналиям даёт крайне мало информации для анализа, поскольку ответ респондента часто соответствует предполагаемым с его стороны ожи-

даниям исследователя. Поэтому 6,0% симпатий к А. Гитлеру не должны вводить в заблуждение: с одной стороны они могут быть обусловлены эпатажем, а с другой стороны не позволяют выявить потенциальных симпатизантов праворадикальных идеологий.

В седьмом вопросе стояла задача выяснить, насколько студенты вообще знакомы с праворадикальными движениями и организациями в современной России. Для того, чтобы не вызывать подозрений со стороны респондента, а также с целью выявить круг сознательно интересующихся праворадикальной проблематикой студентов (поскольку в СМИ информации об этих организациях практически нет), в вопросе указанные организации были названы «национально-патриотическими»:

об указанных организациях, приведённые данные сами по себе симптоматичны, поскольку фиксируют интерес студентов к альтернативным идеологиям в силу отсутствия выраженности волнующей студентов проблематики в идеологиях, представленных в публичном пространстве современной России (консерватизм, социал-либерализм, социал-демократия, социализм и т. д.).

Исследованию источников информации, из которых студенты черпают свои представления о политической и социальной реальности, а также степени влияния СМИ на распространение праворадикальных взглядов были посвящены восьмой и шестнадцатый вопросы (рисунок 2):

Как видно из приведённой на рисунке 2 диаграммы, наибольшим доверием респондентов

Таблица 3. Какие из современных национально-патриотических организаций Вам известны и в какой степени?

	Национально-патриотические организации	хорошо знаю	слышал(-а) что-то, но не скажу точно	ничего не слышал(-а)	затрудняюсь ответить
1	«Новая Русь»	9,1	26,3	43,3	21,3
2	Чёрная Сотня	5,7	23,4	47,6	23,3
3	Сопrotивление Юг	7,0	22,1	47,6	23,3
4	Русское Национальное Единство (РНЕ)	12,0	26,7	39,6	21,7
5	Национально-державная партия России – НДПР	8,2	20,3	48,6	22,8
6	Реструкт	6,5	12,0	56,1	25,3
7	Движение против нелегальной иммиграции – ДПНИ («Славянский союз»)	8,2	16,4	52,9	22,4
8	Этнополитическое объединение «Русские»	7,4	17,3	52,1	23,3
9	Национал-большевистская партия («Другая Россия»)	7,9	22,0	49,9	20,2
10	Союз православных хоругвеносцев – СПХ	3,1	7,4	65,0	24,5

Усреднённо степень знакомства студентов с перечисленными праворадикальными организациями выражена в следующей диаграмме (рисунок 1):

Как можно увидеть в приведённой на рис. 1 диаграмме, более четверти студентов либо непосредственно интересовались праворадикальными организациями и имеют о них достаточно полную информацию (в среднем – 7,5%), либо что-то слышали (в среднем – 19,4%). Учитывая скудность представленной в СМИ информации

тов пользуются центральные каналы телевидения (68%), проправительственная пресса (23,7%) и социальные сети (23,0%). Гораздо меньше студенты доверяют либеральным СМИ (телеканалы «Дождь» и «РБК» – 12,5%; газеты «Ведомости», «Новая газета», «Коммерсантъ» – 9,1%; радио «Эхо Москвы», «Радио Свобода», «Голос Америки» – 6,8%). Источникам, имеющим правую и праворадикальную ориентацию, вполне ожидаемо доверяют не более 3% респондентов (газеты «Слово Рус-

ским», «Завтра», «Русский порядок», «Вести славян Юга России» – 3,3%; Интернет-порталы «Слава России», «Великая Россия», «Правый взгляд» – 3,1%). Учитывая доминирующее влияние центральных проправительственных СМИ (которые никогда не позволяют себе откровенно фашистских высказываний, даже в пропагандистском накале информационной войны) на формирование мнения респондентов, сложно ожидать большого количества респондентов, откровенно ассоциирующих свои предпочтения с праворадикальными источниками информации.

Следующий блок вопросов был посвящён выявлению содержания палингенетического мифа, если таковой представлен в студенческом сознании. Так, в девятом вопросе (рисунок 3) выявляются представления студентов об исторической и цивилизационной роли России как евразийской империи (сочетаемой с «русским» национализмом и без такового), европейского государства, региональной державы и т. д.:

В диаграмме, приведённой на рисунке 3, бросается в глаза выраженность имперских представлений респондентов о прошлом, настоящем и будущем России («Россия – многонациональ-

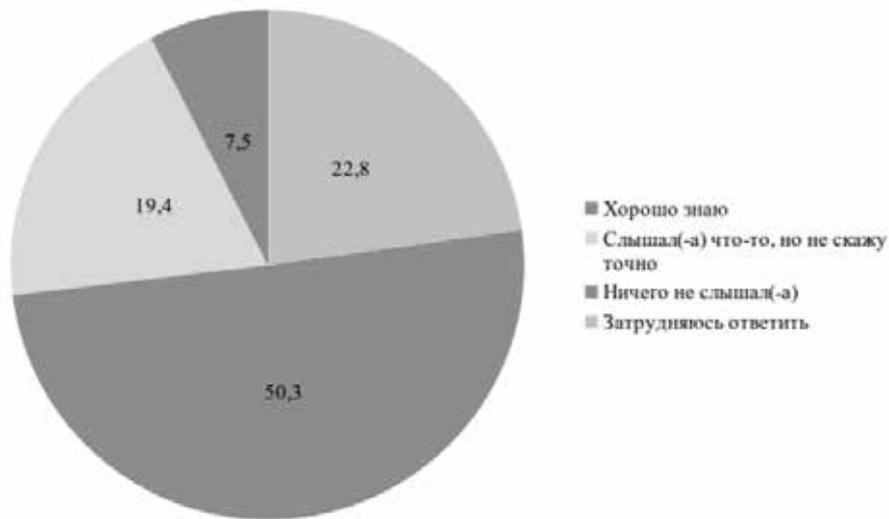

Рисунок 1.

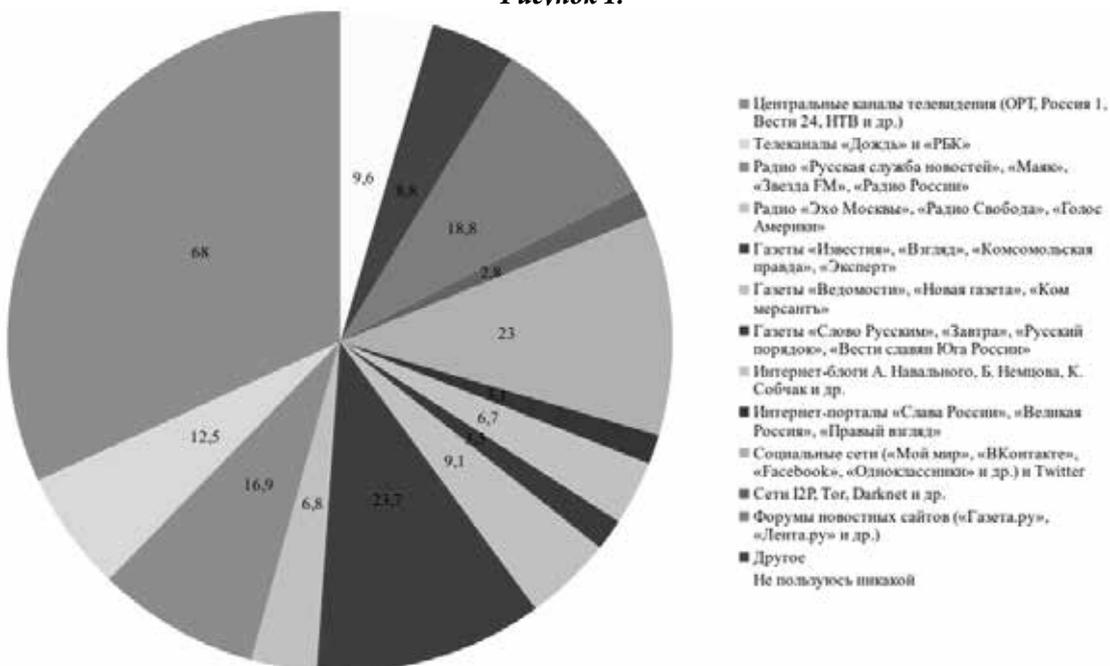

Рисунок 2. Какому из источников политической информации Вы доверяете больше всего (дайте не более трёх ответов):

ная имперская цивилизация...» – 33,3%, «великая евразийская держава» – 16,6%, которая «возвращает себе роль мировой державы» – 25,1%). При этом достаточно высок (9,7%) и националистический компонент «российской империи с ведущей ролью русской нации (великороссов, малороссов, белорусов)». В семнадцатом вопросе этот аспект преломляется в виде подразумеваемого респондентом права России на «реализацию своих геополитических интересов» (62,7% респондентов признали такое право за Россией в реализации её интересов в Донбассе). В таком же аспекте оценивается студентами и гуманитарная помощь России жителям Донбасса: 35,4% выбрали ответ «это историческая миссия России, демонстрирующая единство славянских народов» и только 1,0% – ответ «это нарушение государственного суверенитета Украины».

цию своих геополитических интересов» (62,7% респондентов признали такое право за Россией в реализации её интересов в Донбассе). В таком же аспекте оценивается студентами и гуманитарная помощь России жителям Донбасса: 35,4% выбрали ответ «это историческая миссия России, демонстрирующая единство славянских народов» и только 1,0% – ответ «это нарушение государственного суверенитета Украины».

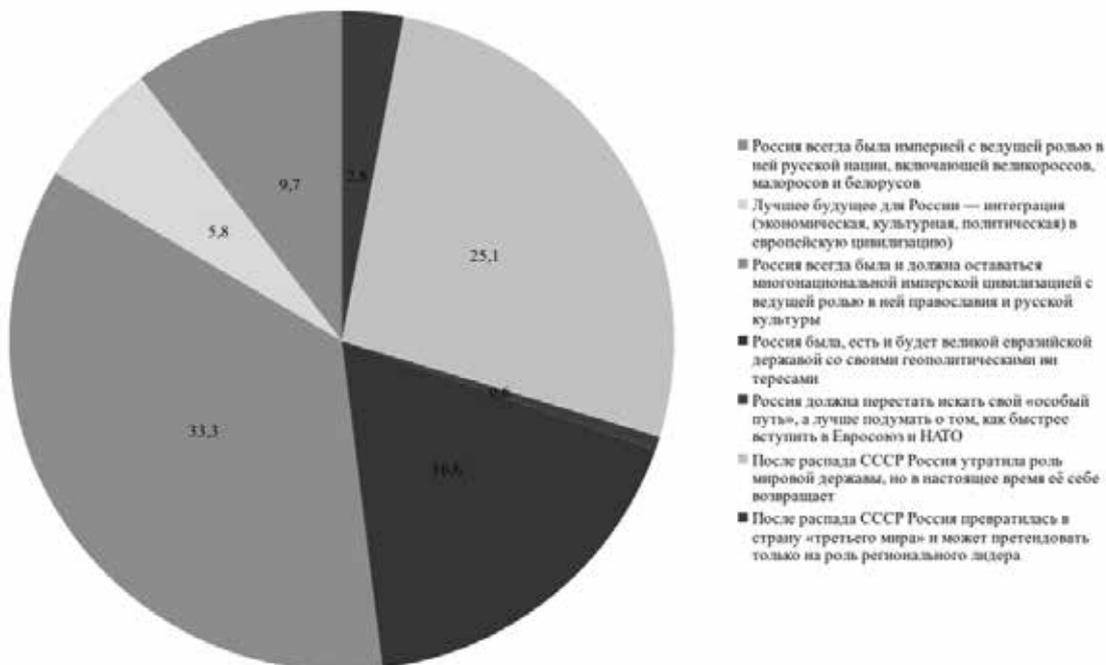

Рисунок 3. С каким из нижеприведённых суждений Вы бы согласились? (дайте только один ответ):

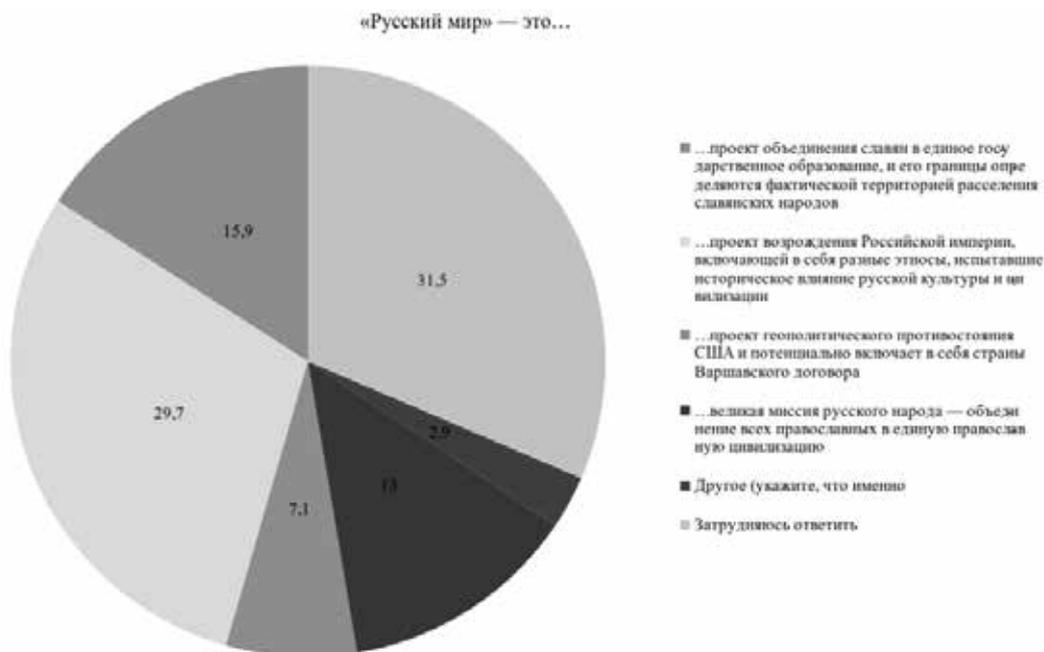

Рисунок 4. Какое из приведённых ниже определений «русского мира» Вы считаете наиболее удачным? (выберите только один вариант ответа):

Особенно любопытен в этом контексте 25-й вопрос (рисунок 4), в котором респондентов просили дать определение «русского мира»:

На рисунке 4 видно, что чуть менее трети студентов (29,7%) усматривают в понятии «русский мир» проект возрождения Российской империи с культурно-цивилизационными основаниями идентичности, а 15,9% видят в процессе создания «русского мира» этнонациональный компонент.

Чувство ностальгии по имперскому величию подтверждается и на эмоциональном уровне – в вопросе 26 (таблица 4) ответы респондентов распределились следующим образом:

Таблица 4. Какие из приведённых ниже событий российской истории вызывают у Вас чувство гордости, а какие – чувство стыда?

	Историческое событие	Вызывает чувство гордости	Вызывает чувство стыда	Затрудняюсь ответить
1	Великая Октябрьская социалистическая революция	22,1	15,6	62,3
2	Позиция России во время наговских бомбардировок Югославии	24,5	13,5	62,0
3	Присоединение Крыма в 2014 г.	74,4	6,4	19,2
4	Чеченская война 90-х – начала 2000-х	13,4	35,8	50,8
5	Беловежские соглашения 12 декабря 1991 г., объявившие о прекращении существования СССР как «субъекта международного права и геополитической реальности»	8,1	37,0	54,9
6	Политика российского руководства в отношении «Новороссии» в 2014 г.	32,3	9,6	58,1
7	Индустриализация и коллективизация 20–30-х гг. XX века	30,8	15,2	54,0

Показательно, что достаточно противоречиво оцениваемые историками процессы индустриализации и коллективизации 20–30-х гг. XX в. у трети респондентов вызывают чувство гордости. Можно предположить, что указанные процессы в представлении студентов связаны со становлением державной мощи СССР, с ростом его международного значения. Эта установка вполне соотносится с ответами из 27-го вопроса (рисунок 5):

Треть респондентов (33,4%) в приведённой на рисунке 5 диаграмме оправдывают раздел Польши 1939 г. геополитическими интересами СССР.

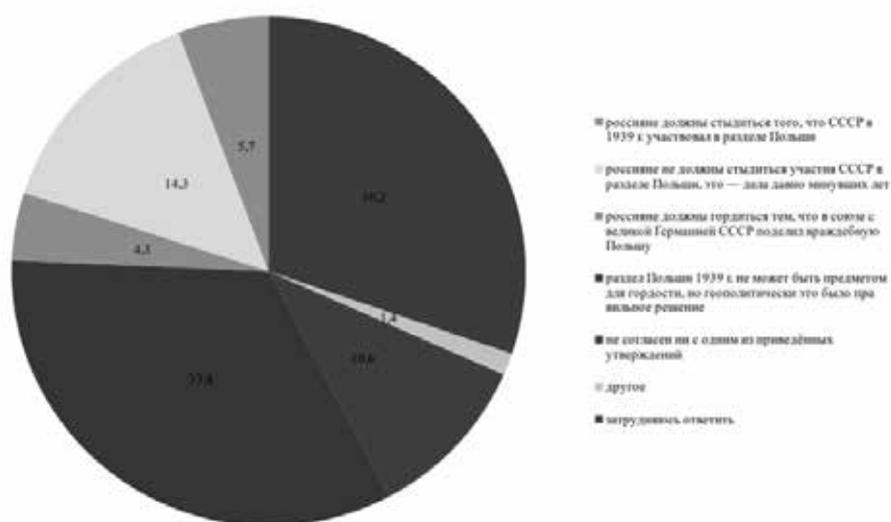

Рисунок 5. С каким из нижеприведённых утверждений Вы бы согласились?

Итак, уже при первом, поверхностном взгляде на полученные в процессе исследования данные видно, что в студенческой среде широко распространён палингенетический имперский миф о России как великой державе, которая возвращает утерянное в 90-е гг. XX в. могущество. Можно предположить, что с этим мифом связаны также симпатии студентов к идеологеме «сильной (жесткой) руки», которая только и способна вернуть России её имперский статус. Однако сам по себе этот факт мало что даёт в плане выявления праворадикальных идеологем в студенческом сознании. Палингенетический

миф – это только один из двух базовых концептов «родового» понятия фашизма. И, как показывал Р. Гриффин [10, р. 33], сам по себе этот концепт может встречаться в любых других идеологиях. Чтобы идентифицировать некий комплекс идей в качестве фашистского, необходимо учитывать второй базовый компонент концептуальной структуры фашизма – радикальный национализм, а также целый ряд смежных концептов (антилиберализм, антиконсерватизм, различные формы расизма и т. д. [подробнее см.: 6]). Этим аспектам будет посвящена вторая часть данной статьи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абраменко А. В., Подшибякина Т. А. Сетевая структура “Governance” как способ симметричной политической коммуникации // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – № 4. – С. 75–88.
2. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – Москва: Лабиринт, 2000. – 640 с.
3. Галкин А. А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 2. – С. 6–15.
4. Гриффин Р. От слизевиков к ризоме: введение в теорию группускулярной правой // Верховский А. Верхи и низы русского национализма: (сб. статей). Москва: Центр «Сова», 2007. – С. 223–254.
5. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – Москва: Художественный журнал, 1999. – 236 с.
6. Константинов М.С. Фашизм: операционализация признаков // Политика и общество. – 2014. – № 11 (119). – С. 1380–1389.
7. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – Москва: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с.
8. Поцелуев С. П., Константинов М.С. Современный правый радикализм: проблема идентификации признаков // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2014. – № 3. – С. 70–90.
9. Freedman M. Political Concepts and Ideological Morphology // The Journal of Political Philosophy. – 1994. – Vol. 2. – No. 2. – P. 140–164.
10. Griffin R. The Nature of Fascism. – London & New York: Routledge, 1993. – 251 p.
11. Kuran T. Private truths, public lies: The social consequences of preference falsification. – Cambridge & London: Harvard University Press, 1997. – 439 p.

REFERENCES

1. Abramenko A. V., Podshibyakina T. A. Setevaya struktura “Governance” kak sposob simmetrichnoi politicheskoi kommunikatsii // Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. – 2014. – № 4. – S. 75–88.
2. Bakhtin M. M. Freidizm. Formal’nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat’i. – Moskva: Labirint, 2000. – 640 s.
3. Galkin A. A. O fashizme – ego sushchnosti, kornyakh, priznakakh i formakh proyavleniya // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 1995. – № 2. – S. 6–15.
4. Griffin R. Ot slizevikov k rizome: vvedenie v teoriyu gruppuskulyarnoi pravoii // Verkhovskii A. Verkhi i nizy russkogo natsionalizma: (sb. statei). Moskva: Tsentr «Sova», 2007. – S. 223–254.
5. Zhizhek S. Vozvyshennyi ob’ekt ideologii. – Moskva: Khudozhestvennyi zhurnal, 1999. – 236 s.

6. Konstantinov M. S. Fashizm: operatsionalizatsiya priznakov // Politika i obshchestvo. – 2014. – № 11 (119). – S. 1380–1389.
7. Noel'-Noiman E. Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya. – Moskva: Progress-Akademiya, Ves' Mir, 1996. – 352 s.
8. Potseluev S. P., Konstantinov M. S. Sovremennyyi pravyy radikalizm: problema identifikatsii priznakov // Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy. – 2014. – № 3. – S. 70–90.
9. Freeden M. Political Concepts and Ideological Morphology // The Journal of Political Philosophy. – 1994. – Vol. 2. – No. 2. – P. 140–164.
10. Griffin R. The Nature of Fascism. – London & New York: Routledge, 1993. – 251 p.
11. Kuran T. Private truths, public lies: The social consequences of preference falsification. – Cambridge & London: Harvard University Press, 1997. – 439 p.